

Генералъ Та.м. Гомон

оружие и правила дуэлей

Джозеф Гамильтон

Оружие и правила дуэлей

«Центрполиграф»

Гамильтон Д.

Оружие и правила дуэлей / Д. Гамильтон — «Центрполиграф»,

Труд Дж. Гамильтона представляет собой уникальное историческое исследование конфликтов между представителями высших сословий.

Автор систематизировал все виды вооруженного разрешения ссор и споров, основываясь на специальной документации судебных процессов, связанных с дуэлями, которые долгие годы считались наиболее адекватным средством защиты против оскорбления. В книге подробно описаны правила организации поединков, приведен кодекс чести, которого испокон веков придерживались соперники. Кроме того, в книгу вошли любопытные описания поединков знаменитых дуэлянтов – Петра I, Наполеона, Генриха IV и других известных персон.

Содержание

ДЕЛО ЧЕСТИ	7
КОРОЛЕВСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ	12
I	12
II	13
III	14
IV	15
V	16
VI	17
VII	18
VIII	19
IX	20
X	21
XI	22
XII	23
XIII	24
XIV	25
XV	26
XVI	27
XVII	28
XVIII	29
XIX	30
XX	31
XXI	32
XXII	33
XXIII	34
XXIV	35
XXV	36
XXVI	37
XXVII	38
XXVIII	39
XXIX	40
XXX	41
XXXI	42
XXXII	43
XXXIII	44
XXXIV	45
XXXV	46
XXXVI	47
XXXVII	48
XXXVIII	49
XXXIX	50
XL	51
XLI	52
XLII	53
XLIII	54
XLIV	55

XLV	56
XLVI	57
XLVII	58
XLVIII	59
XLIX	60
L	61
LI	62
LII	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джозеф Гамильтон

Оружие и правила дуэлей

Этот труд со всем уважением посвящается суверенам, принципам, дворянам и джентльменам всей земли, но особенно тем, кто оценил этот скромный труд автора, который заслужил их лучшей благодарности, высокой оценки и благосклонного сотрудничества.

*Джозеф Гамильтон
Аннадейл-коттедж,
близ Дублина*

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ДЕЛО ЧЕСТИ

*На этот раз мы выбираем, какому
следовать нам курсу,
Враг наступает на нас.*

Аддисон

Аристократы, благородные люди и джентльмены христианского мира по прочтении этой книги или исходя из собственного опыта не могут не признать, что в современном обществе они не обладают адекватным средством защиты против оскорбления или вызова.

Майор Доусон, с чьей смелостью и отличным чувством юмора мы знакомы, получил вызов от коллеги-офицера того же звания за то, что майор заставлял его взять еще один бокал; генерал Барри был вызван капитаном Смитом потому, что отказался выпить с ним вина за обедом на пакетботе. Генерал тщетно пытался принести извинения, убедительно объясняя, что в море от вина его мутит. Доктор Додд говорит: «Я знавал, что человеку бросали вызов за то, что он резко вышел из помещения, и достойного человека прервали на полуслове его объяснений». Мы можем привести тысячи подобных примеров¹, которые напоминают нам о ссоре между Виолой и сэром Эндрю Агве-Чик, в которой последний сказал: «Вы из-за пустяка разбили мое сердце», а Виола ответил: «Вы без всякого повода обнажили против меня шпагу».

В правительстве, в парламенте, при дворе и в судах; на маскараде, в танцевальном зале и театре; в клубе, таверне и на улице; в любой ситуации и в любом обществе необдуманное поведение одного лица может задеть чувства другого.

Члены королевской семьи, государственные министры, законодатели, судьи и другие общественные деятели, которые могли бы привести в свою защиту их официальное положение, все уступают давлению сложившейся традиции, которую втайне презирают. Даже священнослужители вступают в подобные конфликты²; и даже генерал Гамильтон после того, как письменно выступил против дуэлей, к сожалению, не устоял против искушения сразиться с Аароном Барром, от руки которого он и пал жертвой на том же самом месте, где раньше погиб его сын. И кому придет в голову искренне удивляться, что молодые люди из Оксфорда, Кембриджа, Итона, Вестминстера и других школ поменьше рангом то и дело вступали в смертельные схватки? Или же люди, которые вели более скромный образ жизни, должны были одобрять то, что мир называл законами чести, и «прибегать к барьеру, а не к закону»?

Родившиеся и получившие образование в стране, которую выразительно называют Земля дуэлей, знакомые со многими ее лихими обладателями, мы с давних пор считали предметом гордости умение стоять под дулом пистолета. Порой мы считали себя обязанными требовать возмещения за ущерб или сатисфакции за оскорбление, но с глубочайшей благодарностью отмечаем тот факт, что контролер всех человеческих действий (т. е. Господь) никогда не считал необходимым, чтобы современник стоял под дулом вашего пистолета, когда вы имели право на выстрел³.

¹ Полковник Монтгомери был убит на дуэли из-за собаки; капитан Рамсей – из-за слуги; отец Стерна был ранен капитаном Филиппсом на дуэли из-за гуся; и существует известная история о джентльмене, который застрелил своего соперника из-за того, что тот неправильно подобрал анчоусов к каперсам.

² Капитан Калланан свидетельствует, что преподобный мистер Саурин получил предложение скинуть свою рясу; преподобный мистер Ходсон в августе 1827 года в Булони дрался и ранил мистера Грейди, а в октябре 1825 года преподобный Х.Т. дрался с полковником В. между Сент-Омером и Касселем, и оба были ранены.

³ Мы никогда ни в письменном, ни в устном виде не употребляли никаких оскорбительных слов против какой-либо нации, личности или коллектива, о чем мы сейчас счастливы вспомнить. Человек, который не способен оценить благородство извинения Мура перед герцогом Ричмондским, достоин сожаления. «В конечном счете я буду прощен, – говорит патриотический композитор, – теми, кто нетерпеливо ждет возможности признать ошибку и устранить несправедливость».

В течение последних тридцати лет у нас скопилось много знаний о поведении дуэлянтов и секундантов, и ныне мы испытываем совершенно противоположные чувства по отношению к данной теме. Половину этого времени мы вместе с другими были твердо убеждены, что дуэль — это необходимое зло, но тем не менее она лучше, чем что-либо иное, исправляет пороки, которыми изобилует общество. Слава Небесам, теперь мы придерживаемся совершенно иных воззрений на эту тему и, шокированные жесткостью тысяч историй и случаев, которые мы собрали с целью публикации, стремимся положить конец этому порочному чудовищу или в крайнем случае лишить его когтей и клыков. Если нам не удастся убедить сограждан воздерживаться от такого рода действий, то наша озабоченность будет преследовать их, пока вмешательство юридических инстанций не станет последним средством для устранения зла, которое столь часто выступает в роли последнего довода. Мы постараемся убедить носителей верховной власти и законодателей, что личные чувства и благие пожелания не смогут послужить надежной защитой. Мы приведем имена принцев и дворян, частных лиц и безупречных джентльменов, принимающих участие в создании судов чести для разбирательства споров, которые подлежат урегулированию; и мы будем продвигать другие подобные мероприятия для полного устранения практики, которая после долгого изучения ее опыта, после разговоров и раздумий привела нас к сознательному убеждению, что «достойн уважения отказ от нее, а не соблюдение». В конечном итоге нам стало ясно: любыми способами надо устранять оскорбления, обиды и грустные последствия, которые так часто сопутствуют единственной стычке.

Прежде чем мы собрались изложить наши соображения относительно дуэлей, имея в виду полный отказ от данной практики, мы тщательно рассмотрели едва ли не каждую публикацию на эту тему, старательно собирая любые возможные советы и подсказки, все аргументы христиан, моралистов и просто обладателей здравого смысла. Мы разослали копии этой работы в несколько судов христианского мира, но нам не удалось добиться успеха в единовременной оценке этой темы. Мы выяснили, что существует общее убеждение: «Практика, санкционированная временем и прецедентами, устояла перед насмешками сатириков, террором карательных законов, увещеваниями проповедников и страхом перед будущим положением дел и никогда не исчезнет». Мы нашли высокопоставленных лиц, таких как Джонас Хануэй, которые думают, что «пока многие придерживаются ложных принципов действий, невозможно устранить даже самые пагубные обычаи». Мы убедились, что многие придерживаются точки зрения сэра Вальтера Скотта, который в письме нам сказал на эту тему: «Отдавая самое глубокое признание филантропии ваших мотивов, я все же опасаюсь, что практика дуэлей так глубоко внедрилась во все слои общества, что, по крайней мере, пока человечество не обретет более ясный взгляд на большинство моральных принципов, вряд ли от нее удастся избавиться».

Мы знаем, что два суверена христианского мира стали дуэлянтами и что остальные признали печальную необходимость дуэли. Издатель «Литературной газеты» доказывает, что, изучив переписку между лордом Веллингтоном и Уинчилси, он пришел к выводу, что его высочество высказывает следующее мнение по этому поводу: «Это дело личной чести и личных чувств, и, будучи солдатом, приходится в таких вопросах проявлять большую чувствительность, чем представителю другого класса общества». Он приходит к выводу, что такое развитие событий было неизбежным⁴.

Лондонский редактор очень справедливо говорит: «Дуэли стали настолько привычным делом, что мы почти не обращаем внимания даже на самые последние случаи. Даже те, кто фик-

⁴ Будучи польщенными любезным заверением герцога Веллингтона, что он с *большим интересом* ознакомился с «Кодексом чести» во время его публикации, мы надеемся, что герой многих сражений будет руководствоваться статьей VIII, которая рекомендует общественным деятелям жертвовать личными эмоциями ради чувства ответственности перед обществом. М. Кэрон де Фромменталь, королевский прокурор, когда писал досточтимому Дж.Р. Ходсону, протестантскому священнослужителю, который в Булони дрался с мистером Грейди и ранил его, сказал, что пастор «поддался варварскому предрассудку и, к сожалению, не смог избавиться от него».

сирует такие случаи, считают, вполне достаточно упомянуть, что имела место встреча между двумя джентльменами, словно между ними состоялся вежливый разговор, а не встреча на поле боя, где часто приходится слышать слова, сказанные шекспировским Ричардом: «Для одного из нас или для обоих – время пришло».

Когда британский посол представил королю Франции Джорджа Роберта Фицджеральда, его величество был проинформирован, что ирландец принимал участие в двадцати шести дуэлях с фатальным исходом. Лейтенант военно-морского флота К...кс в течение одного дня дрался на трех дуэлях. Баррингтон говорит, что в течение его долгой жизни состоялось двести двадцать семь памятных и официальных дуэлей. Некий писатель насчитал сто семьдесят две дуэли, на которых шестьдесят три человека были убиты и девяносто шесть ранены; в трех случаях погибли оба дуэлянта, а восемнадцати выжившим был вынесен приговор от имени закона, который они преступили. Мы смогли найти четыре газеты, которые сообщали о двенадцати гибельных встречах такого рода⁵. И теперь конечно же вместе с «Юлием Цезарем» Шекспира мы можем утверждать, что «сразить – всего лишь слово; таков образ действий».

Потерпев неудачу в наших попытках добиться запрещения этого образа действий, мы решили попробовать, удастся ли уменьшить сопутствующее ей зло. В нескольких тысячах анекдотов и случаев, собранных за тридцать лет, мы нашли массу доказательств, что в связи с этой практикой ежечасно свершаются самые большие жестокости и ошибки. Мы пришли к выводу, что в будущем они могут быть предотвращены широким распространением хорошо составленного кодекса законов, в котором высшим доказательством благородства и чести будет сопряжение их со справедливостью, гуманностью и здравым смыслом; мы получили одобрение от нескольких наших опытных друзей, а также нашли подтверждение в решительном заверении Платона, что нет более почетного дела, чем придумать, как плохое превратить в хорошее.

Внимательно просмотрев нашу коллекцию знаменитых ссор, вызовов, ответов, стычек, дуэлей и примирений, мы набросали кодекс, состоящий из двадцати статей, который показали знающим друзьям в Ирландии. Затем мы представили экземпляры рукописи первым лицам политической, военной и литературной жизни своего времени и получили от них весьма комплиментарные одобрительные ответы. В мае 1824 года мы разослали печатные экземпляры в несколько судов Европы и Америки, а также руководителям прессы, чтобы успеть внести какие-то поправки и дополнения, если таковые появятся, и таким образом добиться всеобщего признания; и теперь мы с удовлетворением представляем миру собрание высоко оцененных правил, которыми в нашем «Королевском кодексе чести» могут руководствоваться и дуэлянты и секунданты.

Мы утомили бы читателя публикацией всех писем, которые получили от королевских особ, аристократов, государственных деятелей, офицеров и прочих, одобряющих наш общественный труд на эту важную тему⁶; тем не менее кое-кто из них взял на себя труд рекомендовать нашу работу и одобрил нас за то, что мы представили миру на рассмотрение единственный достойный год по всем этапам таких ссор, который может получить одобрение и адвокатов подобных дуэлей, и христианских моралистов, которые испытывают угрызения совести из-за таких стычек.

Нижеследующий текст приведен из письма полковника Шоу, секретаря маркиза Уэлсли, когда этот достойный аристократ был лордом-наместником Ирландии.

«Вудсток, 15 ноября, 1823

⁵ Дублинские «Корреспондент» от 20 сентября, «Морнинг пост» от 25 сентября 1823 года и дублинский «Фрименз джорнал» от 12 августа 1824 года, а также лондонская «Сан» от 3 апреля.

⁶ Наш поистине достойный и уважаемый друг преподобный доктор Бертон, помощник капеллана Дублинского гарнизона, с удовольствием назвал наши воззрения на дуэли «Ежегодной Гамильтоновской премией»; и мы высоко ценим этот комплимент, потому что знаем, как он предан просвещению своих прихожан, к которым неизменно относится словно к собственным детям.

Я имел честь представить лорду-наместнику Ваше письмо от 12-го числа текущего месяца, вместе с Вашей работой о дуэлях, по поводу которой с удовольствием возвращаю Вам искреннюю благодарность его превосходительства и сообщаю, что он одобрил похвальный предмет публикации. Имею честь, сэр, быть Вашим покорным слугой.

М. Шоу

Джозефу Гамильтону, эсквайру

Аннадейл-коттедж, близ Дублина».

Пэр, офицер высшего ранга, который стрелял восемь раз в ходе одной дуэли, говорит:

«Я с удовольствием ознакомился с Вашим письмом от 26-го числа прошлого месяца и с приложенным к нему вложением; в ответ сообщаю, что предполагаемая ассоциация получит мою полную поддержку, и я буду очень обязан Вам, если Вы пришлете еще двенадцать экземпляров этой работы».

Другой дворянин, который в равной мере пользуется уважением и за свой патриотизм, и за высокое чувство юмора, говорит:

«Я предельно восхищен и полностью одобряю Ваше благородное намерение положить конец варварской системе дуэлей, но опасаясь, что при всем ее варварстве она служит признаком цивилизации и представляет собой нечто вроде клапана, спасающего от излишнего кипения страстей. Много деспотичных, а также мудрых и либеральных правителей пытались положить конец этой практике – но тщетно; и поскольку они потерпели поражение, опасаясь, что мои усилия, даже при всей Вашей помощи, окажутся столь же неэффективными. Тем не менее, если два известных и уважаемых человека и двое военных объединят свои старания, я буду не против оказать свою скромную помощь».

Извлечение из письма преподобного Чарлза Бардина:

«Дорогой сэр,

я получил Вашу прекрасную маленькую книгу. Пусть Ваша цель получит благословение, которую заслуживает ее благородное намерение. Имею честь, дорогой сэр, быть Вашим преданным слугой,

Чарлз Бардин».

«Королевский кодекс чести» был представлен и в рукописи, и в печатном виде покойному герцогу Йоркскому, и как главнокомандующий армией он с удовольствием отправил следующий ответ от конногвардейцев:

«Сэр – я получил указание главнокомандующего ознакомиться с содержанием Вашего письма от 8-го числа прошлого месяца и передаю благодарность его королевского высочества за Ваше внимание, за высылку ему экземпляра Вашей ценной публикации, озаглавленной «Королевский кодекс чести». Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой,

Х. Тэйлор».

Цитата из письма сэра Вальтера Скотта, баронета:

«Советы секундантам кажутся просто великолепными, и «Кодекс чести», похоже, может значительно смягчить жесткость наших варварских обычаев».

Письмо от капитана Фотрелла из Дублина:

«Дорогой сэр,

я с благодарностью получил две Ваши публикации – «Школу для патриотов» и «Королевский кодекс чести». Со всем вниманием я изучил последнюю, состоящую из шестидесяти статей, под каждой из которых я от всей души подписываюсь.

Есть несколько человек в Дублине или, может быть, в Ирландии, которые куда больше, чем я, занимались улаживанием конфликтных ситуаций, используя те же принципы, которые Вы излагаете, и я с удовольствием (слава богу) говорю, что почти в каждом случае было достигнуто мирное соглашение и не имелось ни одного примера возвращения того зла, к устранению которого Вы призываете.

Принципы христианства и человеколюбия, которые и заставили Вас представить обществу эту небольшую (*но несомненно великую*) работу, даруют Вам право на их благодарность. Неизменно искренне ваш

Патрик Фотрелл».

Нет необходимости подчеркивать, что автор последнего письма был одной из самых уважаемых личностей в Дублине, которому доводилось быть и дуэлянтom и секундантом. Сведения о его отчаянной дуэли с полковником Россом, когда он стал объектом внимания всей прессы, могут быть найдены в нашей коллекции.

Мы могли бы привести бесчисленные примеры смертельных дуэлей между студентами колледжей и очень юными одноклассниками в школах, которые заставляют нас рекомендовать родителям и учителям использовать нашу публикацию как учебник или подарок на память для молодых людей, вверенных их заботам.

Двое шестнадцатилетних ребят, Уэтералл и Моран, дрались рядом с церковью Святого Марка в Дублине. Двое юношей такого же возраста, исключенных из Йельского колледжа, стрелялись из ружей на дистанции в двадцать шагов; родители их одобрили, и один из них стал свидетелем смерти своего сына. Когда двое семнадцатилетних учеников Политехнической школы дрались на дуэли, смертельное ранение получил один из секундантов, который стоял слишком близко к своему дуэлянту. Если дуэли между подростками в юном возрасте вызывают глубокую скорбь, то какое возмущение должны вызывать случаи, когда близкие родственники – даже кровные братья – позволяют убивать друг друга?

КОРОЛЕВСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ

*Честь не подлежит сомнению и не вынуждает драться,
Но заставляет избегать ошибок и делать то, что считается
правильным.*

I

Никакая дуэль не подлежит оправданию, поскольку служит умалению чести, и по этой причине обращение к оружию всегда будет последним доводом⁷.

⁷ Если кто-либо сделает попытку уклониться от правил, одобренных на самом высоком уровне главнокомандующим британской армией и другими, чьи письма мы приводили во вступлении, его противник будет иметь право отказаться считать его джентльменом; и если какой-либо случай не будет успешно разрешен, его следует представить на рассмотрение арбитрам или судам чести, каковые мы предполагаем организовать в Лондоне или в Дублине.

II

Если джентльмен получает удар или сталкивается с какой-то другой провокацией, ему следует немедленно уйти, никоим образом не прибегая к ответу. Это действительно благородная линия поведения; она не усиливает напряжение, не запутывает вопрос, кто первым совершил акт агрессии; она неизменно должна давать понять обидчику, что ему придется возмещать урон то ли до, то ли после того, как его обяжут это сделать.

III

В тех случаях, которые требуют дуэли, вызов всегда должен исходить от того, кто первый счел себя оскорбленным.

IV

Честь и месть не состоят в союзе друг с другом, и посему возмещение оскорбления или травмы – это все, что может быть востребовано или допускается.

V

«Ворота прощения» никогда не должны быть закрыты, ничто также не должно мешать обидчику вступить на «золотой мост»; наоборот, на любой стадии переговоров или дуэли он может выиграть, если сочтет обсуждение ситуации своей обязанностью и проведет его с предельной деликатностью и вежливостью.

VI

Любое извинение, которое может быть представлено, должно быть принято с тем уважением, которое позволяют обстоятельства ситуации, а попытка без необходимости унижить соперника не соответствует понятию истинной чести.

VII

Длительный спор из-за собственности никогда не может быть убедительным поводом для дуэли.

VIII

Если джентльмен является хранителем каких-либо общественных фондов, то более почетно пожертвовать своими личными чувствами, чем важными интересами общества⁸.

⁸ Будучи польщенными любезным заверением герцога Веллингтона, что он *с большим интересом* ознакомился с «Кодексом чести» во время его публикации, мы надеемся, что герой многих сражений будет руководствоваться статьей VIII, которая рекомендует общественным деятелям жертвовать личными эмоциями ради чувства ответственности перед обществом. Тем не менее, судя по переписке с лордом Уинчисли, его милость отвергает все, что может послужить благоприятному разрешению ситуации. Скоро суд чести сможет разрешить обе стороны.

IX

Джентльмен и профессионал, от чьей энергии и талантов могут зависеть жизнь, состояние или репутация его клиентов, никогда не может оправдывать свое участие в дуэлях до тех пор, пока не произведет полную и своевременную передачу доверенных ему средств.

X

Общественные деятели, такие как члены кабинета министров, судьи, сенаторы, офицеры, члены городских магистратов, присяжные заседатели или издатели литературных трудов, имеют право сохранять свою полную независимость путем отказа от всех вызовов, основанном на том, что они вынуждены исполнять общественные обязанности. Адвокат может провести дознание, а также ознакомиться с суждениями, которые влияют на характер или чувства свидетеля или истца, и представить ходатайство или вынести резюме; а присяжный стряпчий может снять с себя ответственность, представив письменные инструкции от своего клиента для проведения такого расследования или составления суждения. Тем не менее данная статья не может восприниматься как оправдание оскорбления любой личности, чего каждый воспитанный джентльмен будет стараться избегать⁹.

⁹ В первом издании кодекса это предложение было сформулировано в статье II следующим образом: «Каждый джентльмен должен старательно воздерживаться от употребления кличек, передразнивания, оскорбительных шуток, от того, что принято считать грубыми развлечениями, и от непродуманной снисходительности к таким весьма вульгарным выходкам и неуместным ссорам, которые слишком часто имеют место». Тем не менее это положение было устранено, чтобы дать место более важному, которое составило статью X.

XI

Если Маркус получил оскорбление от Юлиуса и хочет смыть пятно, которое, как он считает, умаляет его честь, успех в этом, вне всяких сомнений, зависит от джентльменского такта его собственного поведения.

XII

Если Маркус, полный желания покарать обидчика, сочтет необходимым, отвечая на вызов, пустить в ход против Юлиуса конский хлыст, удары кулаком, тростью или даже перчаткой, будет называть его лжецом, трусом или прибегать к другим оскорбительным высказываниям, он не устранил пятно, которое, по его мнению, сказывается на репутации; наоборот, он сознательно усугубит его, прибегнув в своих действиях к насилию и оскорблениям, которые каждый джентльмен хорошего воспитания сознательно старается избегать; его поведение заставляет вспомнить, что насилие всегда служит выгоде тех лиц, чья физическая сила или знание кулачного боя дает им заметное преимущество перед джентльменами, на которых они решились напасть¹⁰.

¹⁰ Руссо говорит, что одна вспышка ярости влечет за собой другую, не устраняя первую.

XIII

Когда джентльмен отвергает благородную линию поведения, которая предлагается в статьях II и XI, и принимает ту, о которой идет речь в статье XII, он не должен чувствовать себя обиженным, если ему придется предстать перед совершенно иным трибуналом, что он, конечно, будет считать несправедливостью.

XIV

Обязанность каждого джентльмена, который испытал такое насильственное или оскорбительное отношение, отмеченное в статье II, – заставить оскорбителя испытать страдания, вызванные влиянием такого пятна на репутации, и потребовать возмещения ущерба из-за нападения от суда общей юрисдикции, чтобы положить конец насильственным действиям, нетерпимым в цивилизованном обществе.

XV

Джентльмен, который высоко ценит свою репутацию, не будет ни выступать в роли секунданта, ни драться на дуэли с лицом, виновным в поведении, о котором шла речь в статье XII, или в другом оскорблении общественной морали.

XVI

Всегда надо соблюдать особую тщательность при выборе секунданта; если возможно, он должен быть «человеком, который не является рабом страстей и обладает открытым сердцем, до которого всегда можно достучаться»¹¹.

¹¹ Испытывая определенное неудобство, но руководствуясь чувством общественного долга, мы были вынуждены осудить поведение секунданта мистера Брика в том случае, который оказался фатальным для достойного джентльмена. Вряд ли можно считать, что он потребовал бы больших усилий для своего урегулирования. Мистер Брик был поклонником данного кодекса, он и его противник были разумными людьми, их ссора была случайной, из-за третьего лица, и произошла в пылу страстей. Несложного объяснения было бы достаточно, чтобы спасти жизнь Брика и репутацию его секунданта. Окажись мы на том месте, могли бы стать между дуэлянтами и предотвратить пролитие крови, которую мы потом видели уже свернувшейся. Без сомнения, мистер Грегг, секундант мистера Хайеса, часто сожалел, что не встретился с мистером Фицджеральдом, и его излишнее соблюдение правил этикета лишь увеличило трудности этого весьма простого дела. Мы должны подчеркнуть печальную ошибку советчика мистера Брика в данном деле, за которую достойный джентльмен, скорее всего, и заплатил своей смертью.

XVII

Джентльмен не должен принимать на себя обязанности секунданта, пока первым делом не получит от своего друга письменное заявление об оскорблении, нанесенном его чести, которое должно быть доступно для обоих секундантов для поиска примирения и оправдывало бы поведение дуэлянтов, а также секундантов в случае фатального завершения конфликта. Каждый секундант должен также настаивать на получении письменного соглашения или получить такое извинение или объяснение, которое может стать основой конфиденциального соглашения между дуэлянтом и им самим, ибо имеются печальные примеры, когда дуэлянты превращали своих секундантов в простые автоматы, действовавшие по их командам.

XVIII

Дуэлянты и их секунданты всегда должны держать в памяти, что самое пустяковое выражение, взгляд или жест могут стать предметом тщательного рассмотрения в суде, а также в свете.

XIX

Дуэлянты и их секунданты должны тщательно вести записи о всех обстоятельствах, связанных с улаживанием ссоры, с дуэлью или переговорами, особое внимание уделяя месту, времени, языку, жестам, тону и свидетелям.

XX

Если тот, кто получил вызов, откажется от встречи под предлогом, что положение того, кто его вызвал, не соответствует его положению в обществе, он не может быть оправдан, поскольку позволил себе высказать оскорбление, пожелав встретиться с секундантом или с другим джентльменом, который его устроил бы, то таким образом он совершенно беспричинно оскорбляет не причастное к делу лицо, которое может высоко оценивать оклеветанную личность.

XXI

Когда джентльмен несправедливо оклеветан при обстоятельствах, описанных в предыдущей статье, его могут эффективно защитить свидетельства друзей, а виновный будет осужден обществом, которое уважает смелость, благородство и справедливость.

XXII

Автор оскорбительного послания не может быть оправдан, пусть даже он считает себя потерпевшим, если к нему относились со всей вежливостью; качества его друзей – это всего лишь вопрос мнения, и даже у всех весьма достойных джентльменов они могут отличаться друг от друга, и тут всегда присутствует предосудительная нетерпимость, которая пытается противостоять мнению другого человека, пусть даже и правильному.

XXIII

Ни один джентльмен, который высоко ценит свою репутацию, не откажется принять или предложить такую компенсацию, о которой устно договорились секунданты.

XXIV

Когда близкие друзья, почтенные отцы семейств или весьма неопытные молодые люди собираются драться на дуэли, секунданты должны быть вдвойне озабочены примирением.

XXV

Когда высказанная ложь или другое раздраженное высказывание становится поводом для агрессии, но выясняется, что эти выражения произвели ошибочное впечатление и оно, это впечатление, успешно устранено путем объяснения, то должно быть представлено письменное выражение искреннего сожаления, которое должно быть принято со всем уважением; от него никогда нельзя отказываться или оставлять без внимания.

XXVI

Объяснение, сопровождаемое оскорбительным обещанием прибегнуть к хлысту или трости, всегда будет восприниматься как удар или иное оскорбление, которое может быть сочтено нападением.

XXVII

Передача конского хлыста или трости лицу, которое подверглось нападению, может быть принята как просьба о примирении от стороны, которая совершила нападение, вместе с письменным заверением, что он ставит на карту свое звание, положение, доходы и надежды семьи¹².

¹² Мы можем подтвердить это случаем, который находится перед нами.

XXVIII

Если какой-либо джентльмен будет столь неудачлив, что оскорбит другого, куда достойнее для него будет вручить вместе с извинением хлыст или трость, чем отказываться от компенсации оскорбления, которого решительно требует общественное мнение.

XXIX

Дуэлянту не позволено носить одежду светлого цвета, кружевные манжеты, военные награды или другие аксессуары, привлекающие внимание, на которых может остановиться взгляд его противника.

XXX

Ни в коем случае не могут быть позволены пробные выстрелы пистолетов в землю и в сторону, нельзя заряжать сразу оба комплекта пистолетов, потому что на подобную перезарядку уйдет много времени, которое может дать возможность для примирения.

XXXI

Если поводом для дуэли служит беспричинное обвинение в трусости, у оскорбленного нет необходимости доказывать свою смелость, стоя под выстрелами; наоборот, он может с честью оставить место дуэли после первого же обмена выстрелами, даже если его противник, забыв о своей обязанности, откажется взять назад свои слова и извиниться за брошенное обвинение.

XXXII

Если джентльмен, находясь в нетрезвом состоянии, был вынужден принять или сам принял решение драться на дуэли, не будучи подготовленным с помощью доверенного секунданта, или у него не было времени как следует распорядиться своим имуществом и денежными средствами в пользу своей семьи, доверителей, клиентов, опекаемых или кредиторов, подозрение в нечестной игре обязательно должно лечь на всех лиц, к которым оно может относиться, или даже на тех, кто был свидетелем данной ситуации и не выступил против.

XXXIII

Если вызванная на дуэль сторона откажется от требуемой сатисфакции, достаточно будет простого оповещения об этом факте в каком-либо публичном издании, что принесет претенденту куда больше пользы, чем насильственные действия.

XXXIV

Секундант стороны, которая получила вызов, должен иметь точное представление о месте и времени встречи. Место действия должно в максимальной степени устраивать обоих участников, особенно в плане медицинской помощи; все экстравагантные предложения должны быть решительно отвергнуты, например такие, как стреляться из-за стола, через носовой платок или вести рукопашный бой с помощью кинжалов, ножей, ружей, бомбард и так далее.

XXXV

Поскольку смерть одного из участников порой может побудить к действию другую сторону, встреча должна носить максимально приватный характер, сообразно со всеми обстоятельствами данного случая.

XXXVI

Границы графства, в котором было нанесено оскорбление, не должны пересекаться, кроме случаев, когда необходимо избежать преследования, или в тех случаях, когда присутствуют ярко выраженные общественные симпатии в пользу одного из дуэлянтов.

XXXVII

При выборе места дуэли обязательны особые меры предосторожности, избавляющие от необходимости переносить раненого джентльмена через стены, канавы, ворота, изгороди или по ступенькам; или же преодолевать слишком большое расстояние до места отдыха.

XXXVIII

Стороны обязательно должны приветствовать друг друга на месте встречи и не уступать друг другу в желании проявить доказательства своей цивилизованности, помня, что каждым своим действием во время встречи они показывают, что знакомы с понятием равенства, и проявляют готовность принять или предложить предполагаемые извинения.

XXXIX

Пока не достигнуто исчерпывающее примирение сторон, дуэлянт должен избегать любых разговоров с противником; от его имени всегда выступают секунданты, а разговоры между дуэлянтом и его секундантом должны вестись в стороне, чтобы другая сторона не могла понять их слова, взгляды или жесты.

XL

Любой выбор, скрывающий в себе преимущество, которое может возникнуть на месте дуэли, всегда должен решаться подбрасыванием трех, пяти или семи монет после того, как они тщательно перемешаны в шляпе.

XLI

Вызванной стороне принадлежит право первого броска, вызывающей – второго; такая последовательность должна существовать, пока не будет решен вопрос выбора.

XLII

Пока джентльмены пребывают в ожидании, не должно иметь место ни хвастовство, ни угрозы, ни хитрости, ни уловки, которые могут нанести урон чьим-то чувствам или умалить равенство участников.

XLIII

На месте дуэли никому из участников не позволено носить очки или монокль, кроме тех, которыми они пользуются в обществе или на улице.

XLIV

Джентльмены, которые не придают слишком большого значения ценности своего времени и работы, даже на месте дуэли должны избегать отказа в таком извинении, которое было принято на ранней стадии переговоров.

XLV

Сторонам никогда не может быть позволено драться на расстоянии меньше десяти ярдов¹³, которое всегда отсчитывается от камня, отмечающего палец выдвинутой ноги участников дуэли; если же смертельное ранение из дуэльного пистолета будет нанесено с расстояния больше сорока ярдов, то оно должно быть измерено с предельной тщательностью.

¹³ Ярд – единица длины в английской системе мер, равна 91,44 см.

XLVI

Если, к сожалению, предпочтение будет отдано не пистолетам, а холодному оружию, то площадка должна быть чистой, сухой, ровной, а противники располагаться друг от друга на таком расстоянии, чтобы никто из них не мог застать другого врасплох.

XLVII

Если стороны дерутся на пистолетах, то они никогда не должны располагаться на дороге, на пешеходной тропе, под стенами и изгородями или же на краю поля, потому что все прямые линии помогают наводить оружие, подвергая обе стороны опасности, в которой, как кажется, нет необходимости.

XLVIII

Дуэли не должны назначаться ни на воскресные дни, ни на дни праздников; ни в течение двадцати четырех часов после получения вызова, ни поблизости от места, пользующегося общественным почитанием; перед тем как стороны получают разрешение стрелять, они должны быть предупреждены, что ни в коем случае нельзя заступать за камень или стойку, отмечающие отмеренную дистанцию.

XLIX

Секунданты должны стоять между дуэлянтами следующим образом:

Д. С С. Д.

когда совещаются с ними или вручают им пистолеты, и ни один из курков не должен быть взведен.

L

Сигналом должен быть белый платок или другой заметный предмет, положенный на землю точно между дуэлянтами, чтобы каждый мог отчетливо видеть его; затем этот предмет один из секундантов может оттянуть за шнурок.

LI

Каждый раз, когда секунданты совещаются друг с другом или пока заряжают пистолеты, они должны встречаться в центре у белого платка следующим образом:

Д С. платок С Д.

ЛП

Прежде чем убрать платок, секунданты должны отойти от центра под прямым углом в обе стороны, чтобы они могли, соответственно, наблюдать за дуэлянтами, следующим образом¹⁴

¹⁴ Мы знаем несколько случаев, когда секунданты были убиты или ранены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.